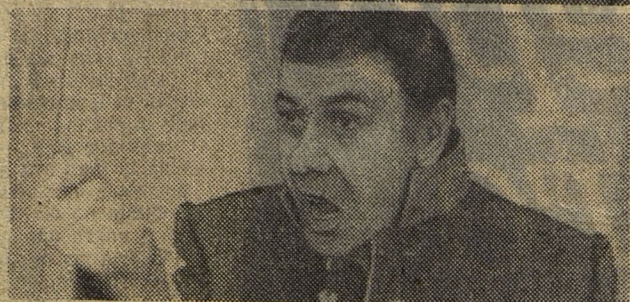




НАКАНУНЕ ПРЕМЬЕРЫ

ГОРОДНИЧИЙ — 135 ЛЕТ НА СЦЕНЕ

С АНАТОЛИЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ ПАПАНОВЫМ мы встретились до утренней репетиции в вестибюле служебного подъезда Театра сатиры. Разговор начался еще на ходу: заметив, как тяжело артист поднимается по «витиеватым» лестницам, я спросил, как он себя чувствует.

Папанов вздохнул:

— Не приспособлен я к такому темпо-ритму. Что-то трудно выдерживать такие нагрузки.

— Но этот «кино-театральный темпо-ритм» у вас уже не первый год...

— Да, но не забудьте: Гоголь. Я и не представлял себе, что все будет так сложно... Это, конечно, заслуга Валентина Николаевича Плучека, который вдохновил театр. Потому что наше отношение, знаете, было какое? К чему нам брать «Ревизора» — на театре в нем все играно-переиграно, пробовано-перепробовано... К чему? Только я десять «Ревизоров» видел.

И исполнители отдельных ролей мне встречались великолепные. Например, до войны в Малом

театре городничего играл Н. Яковлев — он очень мне понравился. Хорош городничий Ю. Толубеева — я его в фильме видел.

Что касается Хлестакова, то его, говорят, гениально играл Михаил Чехов. Да это и по фотографиям видно. По тому, как он смотрит, уже видно, что он играл. Понимаете? Фитильку, сморчка во фраке; ни о чем не задумывающегося...

Папанов, замер на лестнице, рот его вдруг раздернулся в какой-то блаженной улыбке, а умные глаза непостижимым образом стали пустыми и бесцветными.

— Вот так, — сказал он, вспоминая, должно быть, одну из фотографий Михаила Чехова.

По длинному коридору мы прошли в комнату с табличкой «Г. П. Менглет, А. Д. Папанов». Папанов усадил меня, сел сам и продолжал рассказывать:

— «Ревизор» — очень

популярное произведение не только у нас, в Советском Союзе. Вот я был в Японии, и там «Ревизор» идет. Конечно, русским смотреть японского Сквозник-Дмухановского непривычно, но главное-то в том, что если за рубежом ставят эту комедию, то живы, выходит,

Только не подумайте, что мы мечтали об одном — ах, взять и поставить все наоборот. Мы просто хотели — не нам судить, что из этого получится, но мы хотели — отойти от привычных, традиционно толкуемых персонажей, ставших уже чем-то вроде неизменных масок,

персонажи ее и проблемы.

Вообще, я благодарен судьбе за то, что мне довелось работать над «Ревизором», потому что не каждому актеру достается такая радость и такое счастье. Но если бы вы только знали, как трудно играть «Ревизора»!

— В 1972 году?

— В том-то все дело. Во-первых, это хрестоматийное произведение, и зритель не только текст чуть ли не наизусть знает — в его воображении все персонажи уже отчетливо нарисованы. Поэтому традиционный образ ему будет просто скучен.

Во-вторых, «Ревизор» — комедия, на ней «положено» смеяться. Кажется, в пьесе есть остроумные реплики, диалоги, ситуации, неожиданные повороты — они должны вызывать смех. Но «по этому поводу» мы все уже отсмеялись в 6-м или 7-м классе, когда проходили «Ревизора». Словом, надо искать и искать.

потому что маски тоже ведь не одинаковы всегда и везде. Вот, например, я по волку-то «наспециализировался» на озвучивании мультфильмов и знаю, что даже волк на волка не всегда похож: он бывает оптимистом, добрым, мягким, ласковым, дурашливым, хитрым, злым, кровожадным — всякие волки случаются. Что же говорить о людях?

Дверь в гримировальную открылась...

— Знакомьтесь, — сказал Папанов, — Георгий Павлович Менглет.

— Я не буду вам мешать, — сказал Менглет. Он неловко повесил в шкафчик пиджак, уронив вешалку, медленно надел светлый длиннополый сюртук попечителя богоугодных заведений и вышел, задев по дороге стул. Невольно вспомнилась ремарка Гоголя: «Земляника... очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек».

— В образе, — улыбнулся Папанов, проводив взглядом Менглета. — Ну, и мне пора...

Он натянул высоченные ботфорты, надел зеленый сюртук с фалдами, красным стоячим воротником и красными обшлагами. Возник городничий...

— Как вы работали над ролью?

— Кроме текста самой комедии, у Гоголя есть ремарки, предваряющие пьесу, есть «Предупреждение для тех, которые пожелаю бы сыграть как следует «Ревизора». Наконец, письма к Щепкину, где сделаны очень точные и нужные указания, как играть, одеваться, даже о гриме сказано. Я не хочу ни в коей степени нарушать этих авторских указаний. Даже таких: «...городничий глуп — как сивый мерин...», — пишет Хлестаков Тряпичкину. Ну, насчет глупости он не разобрался, сам автор думает иначе: «...Очень неглупый по-своему человек». Сивый мерин, правда, как и волк, тоже бывает разный, но он все равно мерин и сивый. И это ведь надо бы сыграть...

Но в то же время хотелось поискать, повернуть образ какими-то новыми гранями. В «Ревизоре», как говорили Гоголь и Белинский, есть положительный герой — смех. Я добавил бы: саркастический смех, а иногда смех сквозь слезы, потому что комедия здесь нередко оборачивается трагедией.

То, что произошло с городничим, не только смешно: для него это, если по-

человечески, трагедия. И тут как актер я обязан представить себе его состояние после того, как он узнал, что Хлестаков — пустышка, сосулька, а настоящий ревизор вот-вот придет. А представьте себя на месте других обманутых или обманувшихся?.. Для этих людей все случившееся — трагедия.

Вот мне и хотелось поискать, где городничего жалко, где апофеоз победы, где страх на грани невыносимой для него катастрофы...

Актер обязан ведь мысленно ставить себя на место персонажа в совершенно конкретных обстоятельствах разыгрываемой пьесы. И тогда ему самому не всегда будет смешно — другой вопрос, как реагирует на это публика...

— Все участники спектакля, на сцену пройдите, пожалуйста! Все, все, все, все! — энергичный женский голос донесся из репродуктора над дверью. Папанов встал, начал застегивать пуговицы на сюртуке.

— Готовимся к выпуску спектакля, — сказал он. — Я вот скоро 30 лет на сцене, считая и предвоенную работу в рабочем театре клуба «Каучук», и не было случая, чтобы перед выходом не волновался. А особенно перед такой премьерой!

В общем, приходите — все сами увидите...

Г. ЦИТРИНЯ

Фото автора

ЛИТЕРАТУРА
МОСКВА

21 МАР 1972